

ЭТОТ МНОГОДИКИЙ СМЕХ

Дорогой Леонид Сергеевич! Мне, вероятно, проще было бы написать рецензию на Вашу новую книгу, а не это письмо. Но рецензии на Ваши книги я уже писал, и поэтому я просто продолжаю письмо, начало которого — из больницы — Вы получили.

Да, действительно, машиной «Скорой помощи» я был доставлен в «палату особого надзора», где, естественно, у меня отобрали все вещи — все, кроме Вашей книги. И в промежутках между уколами и погружением в сон, храня предписанный медиками максимум неподвижности, я читал Ваши смешные и добрые рассказы.

Я читал их и вдруг, вызывая испуг дежурного врача, начинал хмыкать, фыркать и смеяться.

Почему, начав говорить о книге юмористических рассказов, я касаюсь этой совсем не смешной больницы темы? Конечно, Вы уже поняли меня, дорогой Леонид Сергеевич, — Ваши смешные, порой блистательные, порой и не столь уж тонкие (бывает!) рассказы связаны с тем зарядом социального оптимизма, который прививал нашей литературе В. Маяковский и несли М. Кольцов, М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров и многие-многие другие.

Я говорю об этом потому, что вместе с Вами выступал на ленинградском вечере памяти М. Зощенко и слышал Ваше умное

и деловое слово об этом писателе. И Ваша книга продолжает традиции тех, чья имена я только что назвал.

Меня порадовало в Вашей книге «Душевная травма» соединение смеха саркастического и смеха лирического (утверждаю, что и такой может быть!), и смеха «здоровой юности», и смеха горького, печального.

Иногда Вы «фельетонны» — ну, скажем, в новелле о писателе, имевшем неосторожность дать свою рукопись на отзыв людям, которые не в состоянии ничего в ней понять («Очень грустный секс»), или в рассказе о девочке Томе, которая не хочет поступать в институт, а хочет идти работать в магазин («Абитуриентка Тома и ее мама»).

Мне нравится Ваше умение найти точное и неожиданное определение, осязаемый эпитет вроде: «Тетя Агнесса... работала в одном тихом научно-исследовательском институте в качестве незамужнего члена месткома и любила литературу на общественных началах» («Очень грустный секс»). Или еще: «...В ее глазах появляется бабья терпкая жалость» («Живая душа»).

Точность. Неожиданность. Ясность речи. И все эти качества дают единый сплав в цикле «О себе самом». Рассказы и маленькие новеллы этого цикла написаны изящно, с неожиданным поворотом слова, когда улыбка вдруг исчезает и передо

мною возникает лицо — не того далекого юноши, а моего современника, писателя, рассказчика.

Достаточно вспомнить совсем маленькую повесть «День рождения». С какой точностью и глубиной написаны строки об Авдотье — сельском почтаре:

«Авдотья — сельский почттарь. Ей было под пятьдесят. У нее было суровое, сухого, иночлисного склада темное лицо с глубоко запавшими синими, как цветущий лен, глазами. Каждый день, не зная выходящих, она пешком проходила тридцать, если не больше, намеряных верст, разнося письма, телеграммы, газеты. Ходила Авдотья летом и осенью босая. На ее ноги — черные от грязи, взвешавшей в поры ороговевшей кожи, разлапистые, разбитые, сношенные, как те старые лапти, которые она обувала лишь с первым снежком, — страшно было смотреть».

Вот Авдотья подошла и остановилась у нижней ступеньки нашей веранды. Стоит и смотрит на столпившихся наверху дам и господ, на их нарядных детей. Что-то было в ее взгляде новое, какое-то несвойственное ей суровость и осуждение, а мама, как человек нервный и чуткий, первая почувствовала это и спросила дрогнувшим голосом:

— Что вы нам принесли, Авдотья?

— Войну! — сказала Авдотья и достала из сумки газету».

Настоящая проза!

С юмором и, пожалуй, даже с какой-то веселой мстительностью написан рассказ «Как я был учителем» — о девочке Люсе и ее папочке, похожем на «важного

складского кота при хорошем мышинном деле».

Я прочитал (точнее — перечитал) Ваш рассказ «Новоселье». Прочитал и запомнил. Несколько человек — художник Граев с женой Ксаночкой и их друг, композитор Алмазов, — приглашены в гости к некоему Балкину, построившему себе чудо-дачку в благословенных пригородных местах. Идут они в идиллическом настроении милой полевой дорожкой. И вдруг один из них — художник Граев — говорит:

«Балкин не творческий работник, не изобретатель, не лауреат, не лётчик-испытатель... Не министр, наконец, черт возьми! Но он живет так, как нам с тобой и не снилось!»

Это завязка. Начало.

«Шедшая впереди Ксана вдруг остановилась, обернулась и сказала сердито:

— Хватит вам сплетничать! Юрий Петрович прелест! Чего его ни попросишь, всегда все сделает».

А дальше Вы рассказываете, как приходят эти люди на дачу, как с другими столь же уважаемыми гостями садятся за пышный стол и как Граев, взглянув на сидящего напротив Алмазова, «уже успевшего поддеть на вилку кусок копченой рыбы», продолжает то, о чем говорил раньше:

«Прежде, чем начинать, Юрий Петрович, я бы хотел задать вам один вопрос.

Продолжая винчивать пробочник в пробку, Балкин бодро откликнулся:

— Задавайте, задавайте, Алексей Ильич! Я вас знаю, сейчас что-нибудь отчебучите! Шутник!..

— На какие средства вы построили дачу, Юрий Петрович? — тем же громким голосом задал свой вопрос Граев. Пробочник застыл в руке Балкина».

Дорогой Леонид Сергеевич! Писатель Вы добрый, веселый,

жизнерадостный. Но вот именно в этом рассказе (и в некоторых других) Вы вышли за пределы юмористики. Рассказ «Новоселье» — настоящая сатира. И очень серьезный урок гражданского поведения!

Спокойно, корректно и даже чуть застенчиво Вы объясняете всем нам, как следует себя вести гражданину социалистической державы в ситуации, в которую мы порой (не будем себя обманывать) так или иначе попадаем. Я прочел Ваш рассказ и подумал: хватило ли бы у меня, читающего Ваш рассказ, мужества задать этот вопрос человеку типа Балкина? Хватило бы у моих друзей? У многих, окружающих нас?

А может, нам всем следует почаще задавать такие вопросы, может быть, надо быть щепетильнее в наших отношениях, не закрывать глаза в тех случаях, когда это порой хочется сделать?

Рассказ «Новоселье» хорошо монтируется сегодня с судебными очерками, с фельетонами о хапугах, со всем тем, что следует называть борьбой за честность!

И такие рассказы, как «Живая душа», «Крошка Фикс» или «Неприятности», — это не только маленькие смешные зарисовки, осторожно прикасающиеся к быту, это веселые и достаточно тонкие произведения зрелого писателя.

Я перечитываю многие рассказы заново, смеюсь вместе с Вами, я вхожу в Вашу биографию, сопереживая и веселясь.

Вы написали хорошую книгу, Леонид Сергеевич, достойно продолжаящую многие Ваши книги.

Д.М. МОЛДАВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД